

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Т. БАУЭР	профессор Университета им. И. Гёте (Германия)
В. Г. ГРАФСКИЙ	заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор
Н. Н. ЕФРЕМОВА	ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, профессор
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, чл.-корр. РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
А. В. КОСТИНА	декан факультета философии, культуры и искусства Московского гуманитарного университета, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор
В. Л. МАКАРОВ	директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
О. В. МАРТЫШИН	профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук
А. А. МОИСЕЕВ	декан факультета международного права Дипломатической академии МИД РФ, доктор юридических наук, профессор
Л. А. ПАСЕШНИКОВА	первый проректор СПбГУП, профессор кафедры отраслей права
В. Н. САФОНОВ	заведующий кафедрой государственного права Регионального открытого социального института (Курск), доктор юридических наук, профессор
А. В. СКОРОБОГАТОВ	заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института экономики, управления и права (Казань), доктор исторических наук, доцент
Г. Ф. ФЕЙГИН	профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук
Е. Ф. ЧЕБЕРКО	профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук
И. Л. ЧЕСТНОВ	профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, старший советник юстиции, заслуженный юрист РФ
Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО	директор Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины, академик НАН, иностранный член РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Уважаемые коллеги, разрешите приветствовать в нашем лекционном зале участников секции «Экономика и право в контексте мирового культурного развития» в рамках XIII Международных Лихачевских научных чтений. Мне очень приятно, что мы в очередной раз уже в течение нескольких лет в рамках профессионального сообщества обсуждаем на Лихачевских чтениях проблематику жизненно важных областей общественных отношений, экономики и права. Многие выступления, прозвучавшие здесь, достойны внимания в контексте мирового культурного развития, диалога культур и партнерства цивилизаций, что является генеральной линией Лихачевских чтений.

Руководителями нашей секции сегодня являются два уважаемых ученых — академик Российской академии наук Макаров Валерий Леонидович, академик Национальной академии наук Украины, иностранный член Российской академии наук Шемшученко Юрий Сергеевич. В начале работы нашей секции я предоставляю слово нашим руководителям. Пожалуйста, Валерий Леонидович.

В. Л. МАКАРОВ: — Приветствую вас, дорогие друзья. Напоминаю, что сегодня мы рассматриваем проблемы экономики и права с учетом контекста — взаимодействия различных культур. Юрий Сергеевич, прошу Вас.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Я рад находиться здесь и выступать ведущим нашей секции. В свое время я учился в Киевском университете на юридическом факультете, но затем, после реорганизации, он стал юридически-экономическим факультетом. Потом юристов и экономистов снова разделили. Но я думаю, что сочетание экономики и права все же имеет некий резон. В настоящее время и в России, и на Украине есть немало высших учебных заведений именно экономико-юридического профиля.

Сейчас мне хотелось бы затронуть одну проблему, которая меня давно интересует. Это экологическая безопасность. Мы с российскими учеными совместно на уровне международного сотрудничества сформулировали некоторые вопросы, в том числе и связанные с Экологической конституцией Земли. Это новый проект, который мы пытаемся продвинуть. Проблемы экологии хорошо известны, но как решать их на практике? Сегодня в мире действует около 200 международных соглашений экологического характера. Однако они были подписаны в разные периоды, иногда противоречат друг другу, в некоторых частях устарели и т. д. Можно сказать, что экологическое право начало развиваться в XIX столетии, когда было заключено международное соглашение, связанное с охраной морских котиков. Сегодня проблема ставится в более широком контексте — как охрана окружающей среды в связи с постоянным экономическим развитием всех стран на всех континентах. Поэтому возникла проблема международного экологического права.

Еще Советский Союз выступал на уровне Организации Объединенных Наций с инициативой о принятии всеобщего международного комплексного закона об охране окружающей среды. Сейчас тоже делаются такие попытки, в том числе Украина с трибуны ООН предлагала принять соответствующий акт, касающийся экологической безопасности, в основе которого должно лежать право человека на безопасную окружающую среду. Это непростая проблема. Мне приходилось выступать с этой идеей в Комитете ООН, рассматривающем правовые вопросы, и я пришел к выводу, что мировое сообщество пока не готово принять такой международно-правовой акт, как Экологическая конституция Земли. Причем тут четко определены две позиции. С одной стороны, развитые страны, которые в наибольшей степени загрязняют окружающую среду, не хотят принятия такого акта, потому что имеют возможность размещать отходы производства в развивающихся странах; с другой — развивающиеся страны заявляют, что им надо решать более актуальные и сложные проблемы, связанные с бедностью, а потом, может быть...

Думаю, что ни та, ни другая позиция не выдерживают критики. Если мы хотим жить в здоровой среде, то надо принимать меры уже сейчас. Предстоит большая работа — обсуждение, согласование позиций и т. д. Но прежде всего требуется всеобщее осознание важности этой проблемы и необходимости ее практического решения. Для этого понадобятся новые всемирные форумы. Много лет назад я принимал участие в конференции по морскому праву. Проблема охраны окру-

жающей среды обсуждалась на уровне ООН, и многие тогда говорили, что решение найти очень трудно, что проблема обсуждается уже 10 лет, но никаких сдвигов нет. Однако в итоге была подписана Конвенция ООН по морскому праву. На мой взгляд, надо с такой же настойчивостью продолжать продвижение Экологической конституции Земли, до тех пор пока это не приведет к положительному результату. Эта проблема важна не только в глобальном масштабе, но и представляет интерес для нас с вами и станет предметом нашего обсуждения на нашей секции в числе других тем.

Предоставляю слово профессору Графскому Владимиру Георгиевичу.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — У меня сложилось впечатление, что правовое общение — это область внутригосударственного, внутрикультурного и межкультурного ценностного диалога. В связи с этим прежде всего необходимо обсудить, что такое ценностная ориентация. На вчерашнем заседании академик Степин обозначил некоторые глубинные смысло-жизненные ориентации, важные для понимания процесса правового общения. В частности, атрибутом нормального правового общения является формализованное равенство, как, например, на рынке у покупателя и продавца.

Вопросы правового общения и правовых ценностей трудно обсуждать, поскольку классических работ на эту тему нет, и только в конце 1980-х наш академический коллектив начал над ней работать. Правда, в 1974 году был издан труд нашего болгарского коллеги Нено Неновски, но мы увидели его только лет через 15. И мы под руководством академика Нерсесянца сделали свою работу «Политико-правовые ценности: история и современность». Рассмотренные в ней вопросы — предметное поле юридической аксеологии, компоненты права как ценности, триединство равенства, свободы и справедливости. Кстати, автор этой трехипостасной концепции права — Владик Сумбатович Нерсесянц, один из наиболее читаемых в Интернете ученых. Далее, идея господства справедливых законов, современная история и эволюция права и правовые ценности в процессе перехода от традиционного общества к современному. И еще государствоведение: аксеологический подход и добросовестность как правовой принцип. В общем, набор вопросов наряду со многими другими. Я считаю, что это наиболее подходящее пособие для юридического просвещения, подготовленное в 1990-х годах.

Как же все-таки представлять ценностные ориентации? Надо иметь в виду, что каждое понятие употребляется в двух или трех смыслах. Ценность может быть представлена как абстрактная категория, конкретная, юридическая, экономическая, философская и т. д. Поэтому многие термины, так сказать, «нарасхват», юристы и экономисты могут обсуждать одно и то же. Например, свободу. Ценностное определение Нерсесянца: право как совокупность трех требований — равенства, свободы, справедливости. Он считал, что главное в этом триединстве — формализованное равенство, то есть равенство всех участников правового общения без враждебного отношения друг к другу, с целью

уважительного общения. Я бы на первое место поставил справедливость. Считаю, что включение этой категории в понимание права является важным событием для отечественной юриспруденции. Это стало возможно благодаря усилиям двух человек — академика Нерсесянца и Романа Зиновьевича Лившица, который всю жизнь занимался трудовым правом, но в конце жизни написал замечательный учебник по теории права. Я продолжаю традицию. Считаю, что право можно представить еще и как результат применения правила законной справедливости.

Международное право является областью, где происходит межкультурное взаимодействие. 130 лет назад вышла работа отечественного теоретика международного права Федора Федоровича Мартенса «Современное международное право цивилизованных народов», она переиздавалась четыре или пять раз еще до революции, переведена на все европейские языки, японский и персидский. Мартенс был признанным знатоком международного права, его приглашали в качестве судьи в различные международные коллективы. До сих пор существует так называемая «оговорка Мартенса», которой тоже уже больше ста лет. Для того чтобы показать близость нашего замечательного соотечественника к сегодняшнему обсуждению, приведу несколько его цитат.

«Высший источник международного права — идеи правды и справедливости». Я говорил, что в последнее время вспомнили о справедливости, но, оказывается, еще в XIX веке эта мысль была высказана Мартенсом в его знаменитой книге.

А как он представляет себе участников международного общения (кстати, он же ввел в практику и сам термин «международное общение»)? — «Только то государство, в котором личность получила признание своих прав, может стать членом правильно организованного международного общения».

И еще об «оговорке Мартенса». Для защиты воюющих и гражданского населения на Гаагской конференции мира в 1899 году он предложил применять положение, согласно которому «население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания». Мартенс, таким образом, представляет правило, которым надо руководствоваться в тех случаях, когда ничто не зафиксировано ни в каких соглашениях. Его формула оказалась очень долговечной.

Еще один момент — диалогичность, естественная для любого общения, особенно массового и даже научного. Так вот между двумя позициями — классической и неклассической философией — присутствует некая диалогичность. Надо каким-то образом отразить современные новшества в правовом общении, используя эту конструкцию (классическая — неклассическая), которую придумали не юристы, а философы. Жителей города Санкт-Петербурга особенно заботит эта тема, они являются пионерами ее творческого возделывания, но убедительности пока маловато.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Владимир Георгиевич, правомерно ли говорить о верховенстве закона? Или возможно только верховенство права?

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Это непростой вопрос. Дело в том, что во всем мире, и в России в том числе, право обычно определяется как норма, которую сформулировало государство. Однако еще Кант говорил, что закон может быть нормальным и ненормальным, справедливым и несправедливым. Об этом не говорится в кодексах. Поэтому нормальный закон — это справедливый закон. А Кант даже придумал термин «правовой закон». Другое дело — что такое право? Если только приказ, то тут все просто, а если не всякий приказ, а только справедливый? А чтобы это определить, надо исходить из неких ценностных ориентиров. Нерсесянц предлагает такие категории, как всеобщее равенство, свобода и справедливость. Наибольшие трудности с понятием «справедливость». Самое интересное начальное исследование еще в середине XX века провел Хаим Перельман, в ближайшее время выйдет на русском языке его трактат. Перельман рассматривает 6 критериев справедливости. Однако эта тема остается предметом споров, продолжается обсуждение соотношения права и закона.

А. Ф. БОРОВИКОВ: — У нас на юридическом факультете есть другой термин: «праведный закон». В гимне факультета есть такие слова: «Мы все юристы и хотим, чтобы в мире один лишь правил праведный закон». Как соотносятся «праведный» и «справедливый»?

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Здесь русский язык большой помощник. Что значит жить по праву? Правильно — по справедливости. Поэтому праведный закон и справедливый закон, наверное, можно считать синонимами.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Известный украинский поэт Тарас Шевченко в одном из своих стихотворений написал: «Когда же мы дождемся того времени, когда придет новый и правильный закон?» А сейчас слово предоставляется профессору Костиной Анне Владимировне.

А. В. КОСТИНА: — Уважаемые коллеги, прежде всего хотелось бы выразить глубокое удовлетворение от того, что этот форум собирает огромное количество ведущих специалистов во всех областях, и каждый год тематика очень актуальна. Аксеологическая проблематика, которая в этот раз является центральной, по моему, абсолютно соответствует тем запросам, которые сегодня присутствуют в различных областях — экономике, праве, политике, культуре. Вероятно, это отчасти связано с тем, о чем говорил Владимир Георгиевич. Думаю, что неклассическая философия как раз предполагает отказ от жесткого следования причинно-следственным связям, и этот момент сегодня ярко проявляется в политике, юриспруденции и даже в экономике, которая, в общем, является достаточно точной

наукой, имеет дело с цифрами и расчетами. Будучи культурологом и философом, а не экономистом, я заинтересовалась, как экономика связана с системами ценностей и каким образом экономическое развитие опосредуется теми особенностями культуры, которые присутствуют в разных культурных и цивилизационных ареалах. Сегодня общепризнано, что основа нации и национального государства — это именно ценности, духовное основание жизни народа. Однако развитие экономической теории не в полной мере соответствует данному тезису, и необходимость поиска новых оснований экономической теории сегодня является центральной проблемой для ученых. Об этом, в частности, говорит академик Сергей Юрьевич Глазьев. В последних двух книгах он отстаивает необходимость ценностного аксеологического подхода и применения его в экономической теории. Для того чтобы осознать этот тезис, необходимо обратиться к тем аксиомам, на которых зиждется неоклассическая экономическая теория. Что это за аксиомы? Представление всего разнообразия хозяйствующих субъектов в качестве экономических агентов, которые мотивированы только максимизацией текущей прибыли, и предположение, что данные экономические агенты действуют абсолютно рационально, что соответствует классической парадигме, и мотивации их сводятся к тому, чтобы конкурировать друг с другом. Другая аксиома: в результате экономического поведения хозяйствующих субъектов устанавливается ситуация рыночного равновесия. Правда, оно никогда не наблюдается на практике, так как постоянные колебания рынка зависят не только от объективных факторов, но в значительной мере связаны с субъективными. Мы знаем, как рынок реагирует на те или иные политические события, отставки должностных лиц, болезни руководителей. Такие субъективные факторы, возможно, связанные с общественной и культурной жизнью, оказывают на экономику огромное влияние.

Еще одна аксиома: игнорирование нравственных ограничений и идеологической составляющей поведения. Нам представляется, что экономика в любой стране развивается по одним и тем же законам вне зависимости от тех культурных и ценностных оснований, которые доминируют в данном регионе, в данной культуре. Этот подход имеет разные причины, прежде всего сложность формализации духовных отношений и ценностей. Как их измерить? Конечно, можно провести социологические опросы, подсчитать, сколько людей считают приоритетной ту или иную ценность, и все же эти цифры очень трудно формализовать. Вторая причина — те научные школы, приверженцами которых являются сторонники разных экономических концепций. В качестве примера можно привести различия двух научно обоснованных теорий — рыночного и планового хозяйственного развития. Эти теории довольно долго существовали параллельно, они соответствовали двум политическим системам, капиталистической и социалистической, и фактически выступали научной базой для их легитимации. И только после российских реформ 1990-х годов стали в полной мере очевидны достоинства и недостатки обеих моделей. Плановое хозяйство — это наличие в границах отрасли налажен-

ных горизонтальных связей между предприятиями и вертикальных между отраслями, гарантированные поставки сырья и оборудования, сбыт продукции, ценовые характеристики, инертность экономики, но в то же время и большая предсказуемость. Эта система, на мой взгляд, вписывается в рамки парадигмы, основанной на законах классического детерминизма, согласно которым одна и та же причина влечет по крайней мере схожие последствия.

Однако сегодня мы оказались в совершенно другой ситуации. Экономическое развитие России в XXI веке уникально в том смысле, что оно связано с формированием экономики переходного типа, обладающей принципиальной неустойчивостью и, следовательно, повышением угроз, в том числе и национальной безопасности. Для того чтобы экономика была эффективной, необходима не только непротиворечивость объективных законов, определяющих развитие общества, не только стабильность и сбалансированность системы общественных отношений, но и устойчивость воспроизводства мотивов поведения и эффективного взаимодействия различных социальных общностей в данной системе. Все это опирается на ценностные смыслы, устойчивые модели поведения и прочее, что передается из поколения в поколение и связано с культурными архетипами. Таким образом, вполне объективные законы развития общества в экономике в значительной степени зависят от духовных, нематериальных компонентов, которые составляют его содержание. Но в современную рыночную теорию этот тезис никак не вписывается, и современная неolibеральная экономика уже практически отказалась от того, что начиналось еще с Макса Вебера, который показал, что протестантская этика и протестантские ценности сформировали определенную экономическую парадигму. Сегодня экономическая теория в виде неоклассической парадигмы не учитывает духовные факторы. Однако она является официально признанной, выполняет функцию научного обоснования идеологии рыночного фундаментализма либерального государства и определяет примат частной собственности. Именно эта неolibеральная теория, активно развивающаяся в США с середины XX века и представленная в работах будущих нобелевских лауреатов Гарри Марковица, Уильяма Шарпа, Мертона Миллера, Фишера Блека, Роберта Мертона и других, привела в 2008 году к системному кризису всей мировой системы.

Между тем к сегодняшнему дню накоплено немало фактов, которые не вписываются в данную теорию, причем это признают и сами американские экономисты. О неадекватности этой теории в реальном экономическом развитии еще в 1971 году говорил президент Американской экономической ассоциации, лауреат Нобелевской премии Василий Леонтьев, в 1972-м этот тезис подтвердил Нобелевский лауреат Джеймс Тобин, а в 1980-м на этот факт обращал внимание классик теории экономического роста Роберт Солоу. К настоящему времени эти концепции нашли подтверждение в работах Нельсона и Уилсона, которые доказывают неверность главного тезиса неоклассической экономической парадигмы. Ее суть, напомню, сводится

к утверждению в качестве главного закона развития целерационального поведения индивида. Но сегодня мы видим, что мотивация хозяйствующих субъектов не всегда вписывается в сценарий максимизации прибыли, что их поведение на рынке нередко ориентируется на минимальную прибыль, необходимую для продолжения воспроизводства. В хозяйственной деятельности существенную роль играют механизмы, связанные со стереотипами деятельности, ценностными системами, в том числе неформальными, с мотивацией персонала, профессиональным языком, используемым сотрудниками организации, стереотипами принятия решений. В результате деятельности целого ряда ученых, следующих новому подходу и отказывающихся от исчерпавшей себя неоклассической экономической парадигмы, установлена закономерность общественного развития, которая выражается в его неравномерности, нелинейности траектории развития, распространения и замещения технологий, неопределенности и альтернативности технологических траекторий, наличия разрывов между фазами жизненного цикла эволюции и технологий, обусловленности кризисов мировой экономики технологическими сдвигами. Все то, что я сейчас перечислила, полностью вписывается в постнеклассическую или неклассическую философскую традицию, которая отказывается от линейности как основного принципа развития и мышления. Естественно, что неклассическая философия обусловлена теми открытиями, которые были сделаны в рамках синергетики. Эти наработки оказались очень своевременными, соответствующими тем существенным и очень стремительным изменениям, нелинейным и неэволюционным, которыми изобилует период конца XX — начала XXI века. И сегодня многие экономисты признают, что в качестве экономических оснований следует рассматривать духовные факторы, такие как необходимость помнить о духовном смысле жизни, заботиться о благе ближнего, общества и Отчизны. Материальное благополучие надо воспринимать как испытание на ответственность, необходимы творческое развитие человека, порядочность в личных отношениях. А забота о человеке труда и вообще трудовая этика являются ценностью, которая, возможно, станет решающим фактором развития экономических отношений. Более того, сегодня признается, что в современном обществе процесс производства, в том числе производства знаний, невозможен без этического компонента.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Анна Владимировна, в Вашу концепцию вписывается тезис, что экономика должна быть экономной?

А. В. КОСТИНА: — С моей точки зрения, конечно, экономика должна быть экономной. Более того, возможно, что именно этот принцип определяет эффективность развития. Ведь экономика является фундаментом любого развития — социального, культурного, политического; возможно, не напрямую, а опосредуя эти процессы и в то же время будучи опосредованной ими. В то же время тезис о максимизации прибыли, который заключается в этой парадигме, сегодня не всегда

подтверждается на практике. Мы видим, как сегодня развивается малый бизнес, исходя из того, что в обществе много рисков, связанных и с законодательством, и с экономическими отношениями, и с культурным фоном, в рамках которого они развиваются. И предприниматели (не только мелкие) понимают, что стремление к максимизации прибыли на самом деле часто оборачивается возможностью хотя бы сохранить и чуть-чуть преумножить то, что имеется. Так что эта парадигма является основополагающей, без нее не было бы никакой экономики. Зачем же тогда развиваться, если мы не будем стремиться к повышению рентабельности того или иного производства? Но в то же время практикой настоящего времени является рискованная экономика.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Мне импонирует Ваша позиция, но почему Вы так акцентируете внимание на неоклассике?

А. В. КОСТИНА: — Наверное, потому, что я, не будучи экономистом, отметила, что именно неоклассическая парадигма в наибольшей степени конфликтует с тем представлением, которое имеется у меня как у философа. Это не то, что сегодня наиболее распространено, а то, что может быть продиктовано с большим основанием. А неолиберальная теория не настолько влиятельна, как может казаться, потому что все системные тезисы и флуктуации, которые наблюдались в экономике, связаны с неолиберальными принципами. Именно поэтому я остановилась на этой парадигме, хотя есть много других и, возможно, они в большей степени соответствуют нашему социокультурному контексту.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Следующий выступающий — профессор Григорий Феликсович Фейгин.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Спасибо. Один из выдающихся, но сильно недооцененных культурных деятелей XX века Илья Григорьевич Эренбург когда-то вступил в полемику (естественно, заочную) с Генрихом Гейне, классиком немецкой литературы. Гейне в свое время написал стихотворение о двух гренадерах, которых привезли из русского плена во Францию, а Эренбург «ответил»:

«Во Францию два гренадера...»
Я их, если встречу, верну.
Зачем только черт меня дернул
Влюбиться в чужую страну?

Той самой чужой страной, в которую он влюбился, была как раз Франция. Приведенная цитата позволяет отметить сложность проблемы. С одной стороны, принятие чужой культуры, ведь «влюбленность в чужую страну» — это феномен в контексте диалога культур. С другой — «зачем только черт меня дернул», то есть признание, что это вроде бы нехорошо. Все это говорит о том, что культуры, в том числе и экономические, имеют национальную основу. В этом заключается и концепция Ричарда Льюиса, которая основана на положении о том, что деловые культуры в первую очередь национальные. Можно говорить о семейных,

региональных и глобальных составляющих культуры, но Льюис однозначно утверждает, что важнейшая составляющая — национальная. То есть именно национальные культуры вступают во взаимодействие определенным образом. В частности, по Льюису, человек усваивает свою национальную культуру в момент социализации: если, предположим, ребенок в 3 года приезжает в Соединенные Штаты Америки из другого региона, то он становится американцем, если же он меняет страну в 11–12 лет, то он сможет хорошо усвоить язык, интегрироваться, но американский деловой стиль ему уже не будет свойствен.

Какая в связи с этим возникает проблема? Понятно, что в условиях глобализации, в том числе и экономической, происходит взаимодействие национальных хозяйственных систем, они все более переплетаются. Это отражается в конкретных показателях, динамике международных прямых инвестиций, то есть сегодня страны все больше экономически зависят друг от друга. И, конечно, все это сопровождается культурными контактами, в результате культуры все больше соприкасаются, обогащают друг друга. Я задал Льюису вопрос: «А есть ли такое понятие “глобальная культура”?» Он ответил, что глобальной культуры нет и быть не может, но есть глобальный культурный контекст, то есть можно принять чужую культуру, увидеть в ней позитивные стороны, приспособиться, «влюбить в чужую страну». И еще есть компетенции.

В настоящее время глобализация сопровождается некоторыми явлениями, среди которых отчетливо просматриваются два. Глобализация наталкивается на противодействие, в частности многие люди считают, что необходимо отстаивать свои национальные особенности. Возможно, об этой проблеме скажет профессор Томаш Бауэр на примере Венгрии.

Что же касается России, то предлагаю обратиться к недавней истории. Время господства плановых экономик было эпохой культурного противопоставления Западу: у нас другая хозяйственная система, более совершенная, мы стремимся ее построить и если отстанем, то это временное явление. Что же касается западной экономической культуры, то мы можем ее уважать, но в целом отрицаем, потому что в ее основе лежит эксплуатация человека человеком и прочие отрицательные моменты. Потом была другая крайность, когда мы, наоборот, полностью принимали западную модель, говорили, что это эталон, к которому надо стремиться. А сейчас, когда мы столкнулись с проблемами, порожденными экономической реформой, то поняли, что нельзя слепо копировать чужой опыт, а надо отстаивать свой путь, и успех той или иной страны не означает, что это безусловный пример для нас.

В какой области еще важен этот аспект? Конечно, в вопросах региональной интеграции. Этот процесс предполагает вступление стран в региональные блоки, в рамках которых начинают взаимодействовать национальные культуры. Сегодня в мире более 200 региональных образований. Ричард Льюис классифицирует культуры на линейно-активные, мультиактивные и реактивные; интересно рассмотреть региональные блоки с этой точки зрения. Например, Евросоюз сегодня

включает 27 стран, скоро присоединится еще одна — Хорватия. В странах — членах ЕС исторически сложились разные типы деловых культур, получилась довольно пестрая картина. И если национальные деловые культуры объединяются, если в чистом виде региональных культур, наверное, все же нет, то культурная выживаемость регионального блока зависит от того, как эти разные культуры будут между собой взаимодействовать, какой баланс найдут. Это непростая проблема. В свое время я обсуждал с одним экспертом тему Греции. Почему именно там возникли финансовые проблемы? Ведь из всех стран зоны евро Греция не самая слаборазвитая, Словакия и Словения экономически не сильнее, а проблема возникла в Греции... Ответ на этот вопрос кроется в области культуры. Что значит существовать в условиях, скажем, валютного союза? Принимать единые правила, в частности проводить такую фискальную политику, которая предполагает разумное расходование средств, учет всех интересов. Это свойственно странам северной Европы и гораздо меньше — южноевропейскому менталитету, в частности Греции. Поэтому именно греки столкнулись с такими трудностями. Сейчас очевидно, что надо пересматривать свое отношение, но это противоречит неким культурным установкам. Хотя есть и другой момент. Например, выход Греции из зоны евро создал бы прецедент и породил вопрос: насколько вообще разумен и обоснован сам проект? Поэтому принимаются все меры, чтобы этого не допустить. Таким образом, национальная культурная основа, бесспорно, очень значима, но в условиях глобализации она будет частично подтачиваться, будут расширяться межкультурные компетенции. Будущее региональных блоков во многом зависит от того, как национальные деловые культуры будут находить баланс. Благодарю за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Григорий Феликсович, Вы безоговорочно принимаете теорию профессора Льюиса?

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Профессор Льюис, безусловно, выдающийся специалист, я во многом вижу рациональность его подхода. Пожалуй, единственное, о чем я хотел бы подискутировать, — о возможности глобальной или региональной культуры. На мой взгляд, приближение к ним возможно. Концепция профессора Льюиса, что национальное — это основа, имеет большую теоретическую и практическую ценность, в этом я не сомневаюсь.

А. Ф. БОРОВИКОВ: — Как Вы оцениваете идею создания Соединенных Штатов Европы, в частности ее состояние в настоящее время?

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Во всяком случае то, что Ленин в свое время обращался к этой теме, говорит о том, что идея создания Соединенных Штатов Европы не нова. Другое дело, что история Европы — это во многом история вражды и войн, так что пришлось отложить реализацию этой идеи по крайней мере до послевоенного времени. У стран, входящих в Евросоюз, очень

много исторических различий. Почему Соединенных Штатов Европы до сих пор нет и даже Конституция Евросоюза не принята? Думаю, что как раз из-за тех культурно-исторических различий, которые не позволяют быстро осуществить эту идею. Тем не менее европейцы вернулись к ней после Второй мировой войны и сделали целый ряд шагов в направлении интеграции.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Уважаемые коллеги, слово предоставляется Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — От лица Оргкомитета хочу поблагодарить вас за участие в нашей работе. Помоему, не только в России, но и во всей Европе невозможно найти более крупных ученых в своих областях, чем академики Макаров и Шемшученко. Желаю вам успеха в дальнейшей работе.

Несколько слов о содержании дискуссии. Напомним, что тема нашей конференции — ценности и смыслы, они чрезвычайно важны для правильного развития юриспруденции и экономики. Последние лет 200 человечество живет в условиях углубления различных областей знания. И чем глубже, тем меньше люди представляют, что происходит в соседних областях, теряют общую картину мира, горизонты и поля зрения. И тогда происходит то, что произошло в России, когда совершено неужественные люди — Гайдар, Греф, Чубайс, которые стали руководить страной, решили, что Минэкономразвития — это то главное министерство, которое должно определять все развитие страны — культуры, образования, потому что в их понимании деньги представляют собой смысл жизни. На самом деле нигде в истории человечества не было такого — после Адама Смита, когда эта идея была высказана. И, кстати, сразу дополнена самим Адамом Смитом; он признал, что, хотя деньги очень важны, есть еще другие, не менее важные ценности и смыслы. И экономика может нормально развиваться только в том случае, если есть определенный баланс между ценностью денег и другими важными в жизни ценностями (а на самом деле более важными). Деньги — это только инструмент для работы экономики, но вообще экономика должна быть наполнена другими смыслами. Наши экономисты в правительстве, так же как и руководители Высшей школы экономики и Академии Госслужбы, почти не читали Карла Маркса и плохо читали Адама Смита. Отсюда налицо грубейшие теоретические ошибки, приведшие к построению у нас в стране дефективной социально-экономической системы.

Почему у нас в стране такая невероятная коррупция? Что, российский народ больше других склонен к воровству? Почему нужно каждый день придумывать новые законы? Нельзя воровать здесь, нельзя воровать там... Вчера был очень интересный разговор, мне кажется, и для правоведов, о том, что в области права не решаются все вопросы регулирования социальной жизни и чрезмерное производство законов приводит только к правовому нигилизму, люди перестают выполнять законы. Если нет мягких факторов — моральных, нрав-

ственных, если люди не демонстрируют свою приверженность к высоким ценностям развития человеческой цивилизации, то никакие законы не выполняются. Беда России в том, что у нас произошли чудовищные деформации. Поэтому мы видим крах экономического развития страны, тщательно скрываемый властями невероятный кризис, развал производства. Мы видим, что экономика имеет сырьевой, торговый характер, и еще много неприятных явлений. К сожалению, в этой области мы обогнали Запад, потому что там кризисы происходят по той же причине. Экономика и юриспруденция — не фундамент национального развития, а лишь составная часть, и там, где эта часть начинает довлеть над иными факторами — культурой, искусством, моралью, нравственностью, экономика начинает буксовать и правоохранительные органы не справляются с решением своих задач.

Экономика, которая не служит человеческим ценностям, а направлена только на извлечение прибыли, оказывается в конечном счете неэффективной. Именно поэтому страны Запада столкнулись с кризисом, а Китай и другие регионы на протяжении многих лет опережают их в темпах роста. В основе экономического чуда Южной Кореи лежит особое отношение к национальной культуре, к нравственности, к моральным ценностям. Корейцы в годы диктатуры за очень короткий промежуток времени прошли тот этап, на котором Россия застряла на 20 лет. Они увидели, что механическое копирование западных ценностей не выводит страну из тупика, а, наоборот, заводит в тупик. И пересмотрели понимание экономики, культуры, права и т. д. Японское экономическое чудо опирается на национальные традиции и национальный характер, на лучшее, что есть в людях. Такое тотальное воровство, как у нас, им даже в голову не может прийти. А ведь наши люди далеко не худшие в мире, и все было бы по-другому, если бы не ложные концепции развития страны. Арабский мир находится в состоянии непримиримой войны с Западом на почве ценностей, они готовы взять на вооружение технологические достижения цивилизации, но не согласны с тем, что Запад делает сегодня в остальных областях. И даже христианские страны Латинской Америки категорически отказываются от навязываемых им моделей экономического и социального развития.

Экономика и юриспруденция являются частью культуры. Если мы не будем об этом помнить, то нас снова ждут поражение за поражением в борьбе за сильную экономику и правовое государство, в построении механизма по борьбе с коррупцией и т. д. Фейгин Григорий Феликсович, к которому я отношусь с огромным уважением, быстро ощутил уязвимость своих диалогов с Ричардом Льюисом. Профессор Льюис выстраивает свою теорию исходя из потребностей практики. А современная культурология определенно утверждает, что сегодня существуют региональные культуры, другое дело, что их не надо принимать как некий абсолюте. Скажем, семейная культура существует? Да, в каждой семье своя культура, определенным образом вписанная в культуру общества. Есть что-то общее, в том числе язык, но в то же время каждая семья имеет свои осо-

бенности. То же и в каждом регионе. Есть глобальная культура, об этом у нас на Чтениях прекрасно говорил академик Гусейнов. Возьмите аэропорты, мировую систему коммуникаций — вот вам глобальная культура. А возьмите достижения науки — закон Ома, таблица Менделеева, открытие пенициллина. Это тоже глобальная культура! Все объективные достижения науки, которые становятся достоянием человечества, составляют массив глобальной культуры. Этот массив непрерывно увеличивается, и параллельно растет внимание к национальным факторам.

Мне бы очень хотелось, чтобы юристы и экономисты, присутствующие в этом зале, — замечательные ученые, аспиранты, студенты — как можно больше выходили за рамки конкретных дисциплин. Думаю, что если мы более пристально посмотрим на ценности и смыслы, попытаемся на них сфокусироваться, то достигнем большого прогресса в своих областях. Разве в праве нет своих ценностей? А справедливость? А равенство всех людей перед законом — это ли не есть одна из высших ценностей? И серьезный вопрос для экономистов, на который классики экономической теории в свое время блестяще ответили, только мы склонны это забывать. Что первично — бытие или сознание? Если внимательно почитать Маркса, то окажется, что бытие и материальная сфера в какие-то моменты экономического развития доминируют, а в другие моменты идеология выходит на первый план при построении экономических систем.

Мне думается, что университеты должны быть тем местом, где и ученые демонстрируют очень широкий кругозор, и профессура, конечно, живет не так, как описал Козьма Прутков: «Специалист подобен флюсу». И студентам надо стремиться к широте теоретической подготовки, хорошенько изучать классиков. Да и у нас на экономическом факультете блестящая профессура, которая исповедует широкий подход. Как председатель Оргкомитета, напоминаю, что Лихачевские чтения по своей природе являются междисциплинарными, поэтому призываю вас стремиться именно к расширению междисциплинарного подхода, только так мы будем на передовых рубежах и в юриспруденции, и в экономике, и вся Россия будет на передовых рубежах. Спасибо вам большое.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Думаю, Александр Сергеевич прав, заостряя внимание на том, что деньги не решают все. Но проблема соотношения права и морали — одна из важнейших, и многие ученые ее исследовали. Несколько лет назад, выступая на Чтениях, я сказал, что неплохо было бы созвать всемирный конгресс «Право и культура», потому что решать проблемы только с помощью закона — это недостаточно. Напомню слова профессора Кистяковского, сказанные в начале прошлого века, о том, что правовое государство можно построить только тогда, когда все люди будут святыми. Трудно сказать, когда это произойдет, а между тем жить приходится сейчас, в настоящее время. Повторяю, решать сложнейшие глобальные проблемы только на основании законов и норм права не получится. Право должно взаимодействовать

с моралью, но как этого добиться? Данная проблема требует серьезных исследований и решений.

Предоставляю слово профессору Моисееву Александру Александровичу.

А. А. МОИСЕЕВ: — Значение международного права в развитии диалога национальных культур и обращения к нему в условиях глобализации становится все более очевидным. Юрий Сергеевич задал вопрос о том, какова ценность права. Я попытаюсь частично ответить на него, сфокусировавшись на международном праве. Мы порой не можем договориться по простым вопросам с ближайшим соседом в своем доме, а здесь имеем дело с массивом норм, договоренностей, которые являются обязательными либо рекомендательными для большого количества государств. Причем эти государства различаются — в каждом своя культура, религия, экономический уклад, и нет среди них одинаковых. Даже экономически сопоставимые или исповедующие одну и ту же религию государства отличаются друг от друга. То, что их объединяет, — международное право. Я занимаюсь правом уже 20 лет, но не считаю, что это главная ось, вокруг которой должно вращаться мироздание. Согласен с высказанным здесь мнением, что право для государств является инструментом для достижения целей — мощным, эффективным, мирным. Не следует слишком превозносить международное право, но нельзя впадать и в другую крайность, отторгая его. Это сильнейший инструмент, еще раз подчеркиваю.

К нашей радости, сейчас происходит всеобщий разворот в сторону международного права, в частности это отражается во внешней политике нашего государства. Так, в сентябре 2012 года Президент России Владимир Путин в своем выступлении перед иностранными посланцами подчеркнул, что без опоры на международное право невозможно вести дела в современном мире. Количество государств в мире значительно — примерно 200, при этом около 300 межправительственных организаций, и весь этот большой массив субъектов может взаимодействовать только на основе установленного общего порядка, сформулированного в международном праве.

Международное право имеет большую историю, однако ключевым моментом для современной жизни стало принятие Устава ООН, когда фактически произошло принципиальное изменение всей системы международных отношений. Известно, что в международном праве существует 10 базовых принципов, правда, до сих пор ведутся споры, что же входит в эту десятку. Например, является ли обязательным принцип сотрудничества? Государство, которое не желает сотрудничать, — нарушает ли оно международное право? Однако наиболее важно для системы международного права то, что впервые был сформулирован принцип суверенного равенства государств. До принятия этого принципа, закрепленного в Уставе ООН, в мире существовал принцип уважения государственного суверенитета, то есть признавалась независимость субъектов. Но с принятием принципов суверенного равенства мы получили новую правовую, идеологическую

и культурную конструкцию: независимо от того, является ли государство слабым или сильным, где оно расположено стратегически и географически — оно уравнивается в правах с другими субъектами международных отношений, то есть они имеют одинаковые юридические права и обязанности. Это принципиальный момент, который привел к развалу колониальной системы, возможности более слабых государств защищать свои права и т. д. В такое развитие событий значительный вклад внес Советский Союз, и нам ни в коем случае нельзя забывать об этом. В результате в Конституции России в п. 4 ст. 15 указано, что основные принципы и нормы международного права, договоры Российской Федерации являются составной частью правовой системы России, а в случае расхождения между нормой внутреннего права и нормой международного договора России приоритет имеют нормы международного договора. Это очень важное положение подчеркнуто в нашей Конституции: нормы международного права имеют приоритетное значение.

Однако не будем идеализировать действительность. Мы живем в реальных условиях, где международное право нередко нарушается. Меня часто спрашивают: «Внутри государства понятно — есть уголовный и прочие кодексы, с помощью которых нарушителя можно привлечь к ответственности. А если нарушается международное право, то никого нельзя наказать! Как же реализовать это право?» Тем не менее оно существует. Международное сообщество принимает, что норма соблюдается не только тогда, когда над тобой стоит человек с дубинкой, но и тогда, когда люди об этом договорились. Или государства. К тому же в международном праве существует такая мера, как санкция. Еще одно сравнение, подтверждающее важность международного права. Несмотря на уголовный кодекс, преступления все же совершаются, но никто не ставит под сомнение необходимость уголовного права. То же самое в международном праве: нарушение права не означает, что оно не нужно или бесполезно.

Повторяю, право, в том числе и международное, является инструментом, но существует опасность применения его норм фрагментарно, без учета других. Например, мы сталкиваемся с попытками противопоставления принципа самоопределения народов и принципа территориальной целостности, тогда как международное право говорит о том, что мы должны применять все принципы одновременно, нельзя говорить об одном, игнорируя другое. В последнее время из контекста международного права «выдергиваются» политические права человека и делается акцент на них, это используется для давления на режимы неугодных государств. Последствия мы наблюдаем в Ливии и Сирии: удается свергнуть законное правительство либо происходит поддержка оппозиции, ведущей вооруженную борьбу с целью насильственного или нелегитимного свержения правительства.

Что касается международного сообщества, то оно тоже подчеркивает важность международного права. Так, 13 января 2013 года была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о верховенстве права. Для Российской Федерации поддержка современного

международного права является выгодной и правильной линией внешней политики. В последней концепции внешней политики России, принятой 12 февраля 2013 года, практически в каждом абзаце упоминается международное право в том или ином виде, что очень отрадно.

К. МИНИН, III курс, юридический факультет: — В своем выступлении Вы говорили о приоритете норм международного права и привели в пример Ливию и Сирию. Однако Вы утверждаете, что действия Соединенных Штатов там были неправомерными. Объясните, пожалуйста, почему Вы так считаете? И второй вопрос. В международном праве акцент часто делается на том, что представление справедливости может выступать источником международного права. Что Вы думаете по этому поводу? Спасибо большое.

А. А. МОИСЕЕВ: — А что такое справедливость? Я, как юрист и исследователь, не могу дать определение. Хотя право — и внутригосударственное, и международное — с помощью своих норм решает именно вопросы справедливости. В задачи юристов не входят рассуждения о том, что справедливо, а что нет; они должны обеспечивать соблюдение норм права. Поэтому я бы ответил на этот вопрос так. Что касается Сирии, то международной общепризнанной оценки нынешним событиям пока не дано, но очевидно, что есть односторонняя поддержка Западом оппозиции, действий, направленных на свержение режима. Мы знаем, что изменение того или иного режима возможно демократическим путем, во всяком случае об этом заявляется в международных и внутригосударственных документах. Однако в Сирии не проводилось ни референдума, ни выборов, а вместо этого продолжают беспорядки в попытке свергнуть действующую власть.

Е. БРЕСЛАВСКИЙ, II курс, юридический факультет: — Вы говорите, что, вступая в международные отношения, страны соглашаются на оговоренные условия. А как обеспечивается соблюдение этих условий? Ведь возможно нарушение соглашения, есть ли механизм принуждения, чтобы этого не происходило?

А. А. МОИСЕЕВ: — Во-первых, международное право предусматривает санкции. Во-вторых, если нормы или действия государства не отвечают общей логике развития международных отношений, то они являются ущербными. Например, никакой суд до сих пор не дал оценки событиям в Ираке, когда были нанесены удары под предлогом того, что якобы в стране есть ядерное оружие и это представляет угрозу. В действительности все оказалось по-другому. Мы видим, что международное право, в отличие от внутригосударственного, более «растянуто», то есть оценка будет сделана, но, видимо, позже. Но что мы имеем сейчас? Политический режим, который существовал в этом государстве, бесследно исчез, никто о нем не вспоминает, но последствия оказались плачевными.

То есть международное право близко к философии. Один философ сказал, что в тех случаях, когда ему

не хватает фактического материала для развития мысли в той или иной ситуации, он обращается к документам международного права, потому что они отражают те ключевые нормы, которым должны следовать государства в историческом периоде для того, чтобы быть эффективными. Действительно, в международном праве не предусмотрена машина подавления, но здесь действуют другие механизмы, не менее эффективные.

Могу продолжить рассуждать на эту тему с точки зрения власти. Если государство или отдельные представители власти действуют неэффективно, пусть даже не внутри государства, а во внешней политике, то возникает вопрос об их легитимности, что, в конечном счете, сокращает срок их пребывания во власти.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — С удовольствием предоставляю слово нашему гостю, господину Бауэру.

Т. БАУЭР: — Григорий Феликсович затронул вопрос, можно ли влюбиться в другую страну. По своему опыту знаю, что это не только возможно, но и очень приятно. Я впервые был на берегах Невы более полувека назад, с тех пор несколько раз приезжал сюда и в другие города России и все это время испытываю любовь к русскому языку, к русскому народу, русской культуре и науке.

В последние годы в моей стране, Венгрии, вместо экономического подъема, которого ожидало нынешнее правительство, наблюдается спад. Я задал себе вопрос: почему? Намерение нового правительства состояло в том, чтобы после нескольких лет неблагоприятного периода перейти к динамичному экономическому росту. Почему раньше развитие тормозилось? В Венгрии был кризис — и по внутренним причинам, и по внешним. Начиная с 2006 года предыдущее правительство было вынуждено сократить внутреннее потребление и инвестиции, и это привело к стагнации в экономике, осложненной к тому же последствиями международного финансового кризиса 2008–2009 годов. В 2010 году новое правительство приняло меры для оживления экономики: снизило подоходный налог с населения и налоги с малого бизнеса и ввело совокупный налог, как и несколько лет назад в России. Они надеялись, что это приведет к активизации предпринимательской деятельности и началу роста венгерской экономики. На самом деле стагнация продолжилась, и прежде всего продолжился спад инвестиций в венгерскую экономику, начавшийся в 2007 году. В последние четыре года продолжается сокращение инвестиций вообще, и особенно прямых иностранных инвестиций.

Почему нынешним руководителям не удалось достичь поставленных целей? Они недооценили роль доверия и предсказуемости в современной экономике. Доверие, предсказуемость — важные ценности во взаимоотношениях между людьми, но какое отношение они имеют к рыночной экономике? Мы всегда слышали, что при капитализме человек человеку волк, все борются между собой, так что никакое доверие невозможно. На самом деле в современном капитализме все по-другому. Экономические субъекты налаживают многосторонние взаимоотношения. Каждая фирма

стремится к тому, чтобы сделать свою деятельность как можно эффективнее: с одной стороны, выбрать самого хорошего поставщика, который надежно и недорого поставит нужные материалы, с другой — найти такого потребителя, который готов заплатить побольше. Невозможно каждый день искать нового поставщика и нового покупателя, это требует слишком больших затрат и приводит к потерям. Поэтому все экономические субъекты стараются найти надежного партнера, с которым можно наладить прочные, надежные хозяйственные связи. Известно, например, что крупные фирмы, такие, например, как немецкий «Фольксваген», обычно сотрудничают со своими поставщиками на протяжении многих десятилетий, а это значит, что между партнерами складываются доверительные отношения. Если поставщик поставляет качественный товар в оговоренные сроки, то предприятие-покупатель готово даже переплатить, потому что надежность для него очень важна. В этом и состоит роль доверия в экономике. Другой вопрос — отношения между государством и предприятием. Если правила игры достаточно стабильные, то предприятие действует в предсказуемой экономической ситуации: какие условия сегодня, такие будут и завтра. Эта определенность условий возможна в случае предсказуемого правительства. Таким образом, повторяю, доверие и предсказуемость — две важнейшие ценности в экономической жизни.

Что случилось в Центральной и Восточной Европе после распада социалистической системы? Мы стали строить капитализм. Постепенно между предприятиями наладились прочные связи, и между предприятиями и государством сформировалось доверие, возникла предсказуемость условий. А новое венгерское правительство снизило одни налоги, прежде всего подоходный налог для населения и налог на прибыль для мелких предприятий, и в то же время увеличило другие — косвенные налоги и прямые налоги на банки и крупные зарубежные предприятия. Вследствие этих и некоторых других решений в венгерской экономике исчезло доверие и предсказуемость действий государства. Поэтому резко сократились инвестиции, иностранный и даже отечественный капитал начал утекать из Венгрии. Еще раз подчеркну: важнейшие ценности в экономике — доверие и предсказуемость; таким образом, мы получаем совсем иную картину функционирования капиталистического рыночного хозяйства, чем привыкли об этом говорить.

И последнее замечание. Вчера на пленарном заседании многие участники довольно критически рассматривали роль денег, сопоставляя деньги и ценности. Сегодня Александр Сергеевич повторил эту мысль в очень острой форме, связав ее с критическим подходом к деятельности моего покойного коллеги Егора Тимуровича Гайдара и ряда его коллег. Я хочу обратить внимание на следующее. Деньги как институт современной экономики — носитель двух важных ценностей. Первая ценность — свобода. Каким образом деньги связаны со свободой в крупной и сложной экономике? Существует очень много взаимных зависимостей между субъектами, они могут быть либо денежные, либо не денежные, личные, натуральные. В плановом

хозяйстве была система личных, ведомственных подчинений вместо денежных. Так вот, важная роль реформ Гайдара состояла в том, что в России, как и в странах Центральной и Восточной Европы, вместо личных, не денежных зависимостей была создана система денежной зависимости, что создает свободу и для предприятий, и для людей. Вторая важная ценность — ответственность. Мы всегда должны учитывать, что если построим футбольные стадионы, как это сделали в Венгрии, то может не хватить средств на здравоохранение. Если для вас важны Олимпийские игры, то меньше средств останется на другие цели. Значит, денежное хозяйство — это выражение ответственности, которая является очень важной ценностью в жизни и отдельного человека, и целого общества, но прежде всего руководителей. Вот связь между культурой, ценностями и экономикой.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется профессору Чеберко Евгению Федоровичу.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Сегодняшняя дискуссия натолкнула меня на некоторые мысли. Во-первых, не могу не высказаться по поводу неоклассической теории. На мой взгляд, она сыграла в некоторой степени негативную роль и отходит на второй план, во всяком случае складывается такое впечатление на основе некоторых действий наших руководителей. Достаточно вспомнить, что в 1990-х годах экономическим советником Президента России был Андрей Илларионов, который сейчас благополучно пребывает в Институте Катона в Соединенных Штатах Америки. А сейчас, если не ошибаюсь, таким советником стал академик Глазьев, и это о многом говорит. Политика явно поворачивает в другую сторону.

Что касается проблем, связанных с деньгами, то здесь подходы могут быть разные, но, на мой взгляд, мы не совсем верно расставляем акценты. Речь идет не о деньгах, а о политике, которая проводится на основе монетаристских идей. Ведь что такое идея Гайдара и его команды? Это использование чисто монетаристских методов реализации экономической политики в тот момент. Монетаризм как теория возник довольно давно, а реализовываться в политике начал только в конце 1980-х годов в Соединенных Штатах Америки, когда президент Рейган начал проводить так называемую «политику рейганомии». За США последовали всего три страны: Великобритания, Чили и Россия 1990-х годов. Почему на это не решились европейские страны, объявившие лозунг «Назад к Адаму Смиту»? Дело в том, что в чистом виде монетаризм — очень жесткая политика. Она могла быть приемлема в Соединенных Штатах Америки, поскольку там сложилась специфическая ситуация. В послевоенный период преобладали кейнсианские и некейнсианские варианты экономической политики, и это привело к тому, что государство «въехало» в экономику слишком далеко. Вообще в этом отношении государство, если ему дать волю, начинает выходить за рамки дозволенного, так всегда было и будет. Появление в тот момент таких концепций, как «государство всеобщего благоденствия», «демократиза-

ция капитала» и другие, было обусловлено именно концентрацией экономической власти в руках государства. Это, безусловно, надо было пресечь. Но в какой форме? Монетаризм объявлял: «Государство — вон из экономики!», но в США это, в сущности, осталось декларацией, а реализовало этот лозунг правительство Гайдара в России. В чем разница? Я образно сформулировал бы так: заевшиеся, задремавшие от сытости США и Великобритания нуждались в толчке, так как у них практически исчезли экономические стимулы. Выражаясь неакадемическим языком, им надо было дать пинка, чему и поспособствовали монетаристские идеи. А полуголодная, разрушенная Россия в 1990-е годы в этом не нуждалась, поэтому уход государства из экономики на тот момент сыграл сугубо негативную роль.

Что же касается соотношения экономики и культуры, то на эти вопросы возможны разные взгляды. Почему сегодня экономисты обращают такое пристальное внимание на культурологию? Здесь, видимо, причина не одна, и никогда культура не была на задворках, здесь Александр Сергеевич как раз говорил о том, что мы не внимательно читаем Маркса. Не знаю, насколько хорошо я читал Маркса, но у меня никогда не складывалось впечатление, что культура у него была вторична. В частности, можно вспомнить его тезисы о будущей системе, в которой высшей ценностью будет свободное время, а люди, постепенно вытесняемые из сферы производства, будут заняты исключительно творческим трудом. Так что он придавал культуре первостепенное значение. Другое дело, что сейчас, в период сложных реформ, резко возрастает роль человеческого фактора. Известно, что определений культуры очень много; я согласен с одним из них: культура — это все, что создано человеком. Но культура в обыденном восприятии — это нечто нематериальное, духовное, связанное с моралью, нравственностью и т. д. На мой взгляд, это просто два понимания — узкое и широкое. Если взять культуру в широком смысле, то непонятно, каково соотношение культур и экономик. Можно прийти к выводу, что во всем плохом виновата культура, так же как и за все хорошее мы должны ее благодарить. В связи с этим вспоминается известная миниатюра Жванецкого:

«Консерватория, аспирантура, мошенничество, афера, суд, Сибирь.

Консерватория, частные уроки, еще одни частные уроки, зубные протезы, золото, мебель, суд, Сибирь.

Консерватория, концертмейстерство, торговый техникум, зав. производством, икра, крабы, валюта, золото, суд, Сибирь.

«Может, что-то в консерватории подправить?»

Это, конечно, шутка, но в принципе о значении культуры экономисты всегда помнили. Коллеги замечательно здесь говорили о дореволюционных исследованиях в области юриспруденции и экономики именно с этой точки зрения. В 1912 году академик Янжул написал работу «Экономическое значение честности (забытый фактор производства)», назвав нравственность фактором, способствующим экономическому развитию во все времена. По его словам, «жизнеспособность народа зависит от его любви к правдивости. Народ, который честен, тем самым силен не только нравственно, но и экономически».

Особенно важно его видение будущего экономической науки: «Таким образом, лишь одновременное воздействие развития образования и улучшения нравственности и специально честности может значительно поднять и поставить всю настоящую культуру на твердые основания и сделать ее прочной и долговечной. В этом заключается цель и назначение будущей науки народного хозяйства в истинном смысле этого слова». То есть исследования на эту тему велись уже тогда и продолжают сейчас. Но почему сегодня экономические исследования особенно ориентируются на это направление? Вероятно, появление новых экономических отношений, переход от одного технологического уклада к другому требует новых нравственных норм поведения человека. То есть закладываются основы для каких-то новых общественных отношений.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Я услышал два названия экономических учений — историческая школа и институциональная школа. Но точно такие же названия есть и в правоведении! Представляется, что на этой основе возможно содружество политэкономии и юриспруденции.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Связь юридической и экономических наук вообще очень тесная. Уважаемый коллега Шемшученко рассказал, что он окончил юридический факультет, который потом объединили с экономическим. И мы прекрасно помним, что в Санкт-Петербургском университете когда-то был юридический факультет с отделением экономики, которое впоследствии отделилось. То есть наши науки исторически взаимосвязаны. И многие ученые работали на стыке юридических и экономических знаний; во всяком случае, я не мыслю свою деятельность без знания правовых основ.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Часто приходится слышать, что Россия не нуждалась в столь жестких реформах. Но те потребности, которые сформировались перед этим, — в потребительских товарах, широком доступе к информации и другие, — можно ли было их удовлетворить без тех реформ?

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Реформы были необходимы, в этом нет сомнений. Но как они проводились, не слишком ли жестко? Я бы выбрал какой-нибудь более «христианский» вариант.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Следующий выступающий — профессор Мартышин Орест Владимирович.

О. В. МАРТЫШИН: — Мне хотелось бы тоже коснуться вопроса системы ценностей, но скорее в государственно-правовом аспекте. Вчера на пленарном заседании среди многих мыслей было, в частности, сказано, что в России проблема ценностей приобрела особое значение в связи с процессом деидеологизации, осуществленным в нашей стране. Этот процесс имел одно безусловно положительное последствие:

возникновение плюрализма — идейного, политического и др. Но наряду с этим и ряд отрицательных последствий. Первое — идеологическая аморфность государства, неясность ориентиров; второе, не менее страшное, — торжество материальных ценностей. То, что было спрятано в подполье, вылезло наружу, открыто себя провозглашает, кичится своими возможностями и заставляет всех считаться с этим. Позволю себе поспорить с профессором Бауэром. Деньги — ценность, это всем известно. В «Иване Сусанине» (советский вариант «Жизни за царя») главный герой произносит:

Да, да, вы правы, деньги — сила,
Червонцы лучше, чем могила.

Да, деньги сила, материальная ценность. Профессор Гурвич употребляет термин «отрицательная ценность»; наша же тема — ценности положительные. Вчера на заседании был поставлен интересный вопрос: природа, истоки этих ценностей — интернациональны или национальны? Однозначного ответа быть не может: и то, и другое неизбежно и важно. В то же время ставить вопрос о том, что национальные ценности и традиции могут противоречить общечеловеческим, по-моему, было бы не корректно. Не всякая национальная традиция представляет собой ценность. И надо ставить вопрос о том, что те традиции, которые противоречат общечеловеческим ценностям, надо изживать.

Есть одна особенность российской истории и национального менталитета, которая распространяется, конечно, и на проблему ценностей, — стремление к крайностям, готовность переходить от одной крайности к другой. Вот как красиво изложил эту особенность Константин Леонтьев, один из самых знаменитых и откровенных идеологов русского консерватизма XIX века: «Чтобы русскому народу действительно пробыть надолго тем народом-“богоносцем”, от которого ждал так много наш пламенный народоловец Достоевский, — он должен быть ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен, иначе через какие-нибудь полвека, не более, он из народа-“богоносца” станет мало-помалу и, сам того не замечая, народом-“богоборцем”, и даже скорее любого другого народа, быть может, ибо, действительно, он способен во всем доходить до крайностей». Вот такие крайности мы наблюдаем в постсоветское время и в решении проблемы ценностей. Первая крайность — тезис «Приоритет прав человека». Он получил исключительную популярность среди юристов, которые при этом опираются на неудачное, неточное положение Конституции «Права человека есть высшая ценность». Конституция, провозгласив это в ст. 2, 55, сама себя опровергает, устанавливая причины, по которым права человека не только могут, но и должны быть ограничены. Идея приоритета прав человека получила разнообразные воплощения в нашей юридической теории. Очень моден тезис, что есть системоцентристское общество, под которым подразумевают в первую очередь общество тоталитарное, и есть персоноцентристское. И все исходят из этого деления, стремясь к так называемому персоноцентристскому обществу. А мне кажется, что все общества могут быть только системоцентристскими, потому что персоноцентризм — это анархическая

идея, распад, ибо общество живо за счет центростремительных, а не центробежных сил.

Однако сейчас ситуация быстро меняется. Происходит поворот от всеобщих, интернациональных ценностей к национальным, от либеральных к консервативным. И это тоже наблюдается в нашей жизни и юридической литературе. Можно признать, что консерватизм — это идеология правящей партии, «Единой России», причем у многих идеологов этого консерватизма он приобретает совершенно очевидный реставраторский характер, и это не консерватизм по отношению к распавшемуся советскому строю, а попытка возродить дореволюционную монархическую Россию, в которой православная церковь была государственным институтом. Отсюда претензии нашей крупнейшей религиозной организации — Русской православной церкви — на то, чтобы быть носителем национальной культуры и традиции, творцом новой национальной идеологии, которая должна объединить всю страну. Эти тенденции получили полное и яркое воплощение и в юридической литературе. Появилось целое направление, которое называлось сначала «консервативная русская политическая мысль», а сейчас еще хлеще — «охранительная русская политическая мысль». В последние годы вышло несколько книг по истории охранительной политико-правовой мысли и правовых культур.

К. МИНИН: — В своем выступлении Вы упомянули о чрезмерной концентрации внимания на правах человека в нашей Конституции и вообще в правовом поле. А как Вы себе представляете построение гражданского общества? Возможно ли оно без внимания к правам человека?

О. В. МАРТЫШИН: — Совершенно очевидно, что уважение и гарантия прав человека — необходимое условие гражданского общества и правового демократического государства. Я выступаю не против прав человека, а против утверждения приоритета прав человека над правами того же гражданского общества, правами нации, государства или любого объединения. В юридической литературе вы найдете такое понимание этого приоритета, и не только в научной. Возьмите действующие до сих пор Основы законодательства Российской Федерации в области культуры, принятые в 1992 году. Там четко сказано, что в области культуры именно права человека приоритетны относительно права государства, нации, любого объединения, партии, профсоюза, религиозных групп, этнических групп и др. Это явное преувеличение, и это нереально. Хороший текст Конституции выглядел бы так: «Конституция Российской Федерации гарантирует осуществление прав человека»; это четкая и достаточная юридическая формулировка. А у нас как? «Права человека — высшая ценность». Это не норма права, а общая декларация, из которой можно сделать любые выводы.

Е. БРЕСЛАВСКИЙ: — Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил о том, что честь, порядочность и совесть — основополагающие факторы формирования личности. Мне кажется, что эти же духовные ориенти-

ры можно применить и к юриспруденции и экономике в нашей стране. Как Вы полагаете?

О. В. МАРТЫШИН: — Да, конечно. Есть универсальные ценности, о них сегодня не раз упоминали. Я бы на первое место поставил справедливость, потом равенство, свободу. Законность, но это уже специфически правовая ценность. Кстати сказать, общее благо — тоже одна из ценностей и неперенный компонент справедливости на протяжении всей истории философии. От Аристотеля до наших дней общее благо рассматривается как важный показатель справедливости.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Приглашаю на трибуну профессора Сафонова Владимира Николаевича.

В. Н. САФОНОВ: — Я не первый раз здесь выступаю и в очередной раз убеждаюсь, что студенты задают хорошие вопросы. Я не очень люблю монологические выступления и всегда стремлюсь к диалогу. Еще Михаил Михайлович Бахтин говорил о диалогическом характере культуры. Поэтому я выскажу ремарки по поводу выступлений двух коллег, с которыми много лет знаком, Ореста Владимировича и Владимира Георгиевича, о равенстве и справедливости. Хочу поддержать Владимира Георгиевича: принцип формального равенства не является основополагающей и исчерпывающей основой права, как думают изучаемые мною на протяжении 30 лет американские юристы. Полагаю, что гораздо более эффективен принцип справедливости. Приведу пример. Еду я в машине в Северной Америке, дорога хорошая, скорость высокая... И вдруг водитель сбавляет ход, и мы движемся очень медленно. В чем дело? А в том, что на дороге огромные рекламные щиты, которые буквально не дают ехать. Я говорю: «Как же так?! В гражданском законодательстве всех штатов рекламная деятельность детально регламентирована, в том числе и с точки зрения морального ущерба, который наносит нам реклама, мы все от этого страдаем, — и вдруг такое». А мне в ответ: «Здесь индейская резервация, и местным властям нужно зарабатывать. Это несправедливо по отношению к водителям,двигающимся по этому шоссе, но справедливо по отношению к местным жителям». Таким образом, когда мы говорим о правах и справедливости, всегда нужно иметь в виду соотношение ценностей, — то, чего недостает в нашем обществе, которое преследует часто противоположные цели. Наше общество сильно раздроблено, сегодня проблем еще больше, чем раньше.

А теперь обращусь к юридической науке. В нее не вполне вошло такое понятие, как «государственный режим». Я отдаю должное недавно ушедшему от нас Сергею Сергеевичу Алексею, который обращал внимание прежде всего на субъект этого понятия. Вообще в теории права есть понятие правового режима, и одна группа теоретиков говорит, что главное — субъект правового режима, другая утверждает, что главное — объект: таможенный правовой режим, любой отраслевой режим и т. д. Понятие «правовой режим» аморфно. Многие говорят о государственно-правовом режиме, в наших учебниках постоянно речь идет о политическом режиме.

Коллега Игорь Андреевич Исаев в своей недавней книге говорит о том, что понятия государственного режима и политического режима идентичны.

Интересно рассмотреть западный опыт. Вот американские ценности. У нас распространено мнение, в том числе его можно услышать, к сожалению, и от политиков, что американские ценности — это прежде всего частная собственность и свобода предпринимательства. Так-то оно так, но, как говорил вчера участник Чтений из Техаса, более важными являются пределы, рамки, чувство меры. Я только что привел пример американского отношения к запросам некоторых общественных групп. И еще должен сказать, что нынешний состав Верховного Суда США (а я изучаю Верховный Суд на протяжении 40 лет) самый реакционно-консервативный, проповедующий сплошь либеральные ценности. И что? 12 апреля 2012 года там было проведено голосование по программе медицинского страхования стоимостью в 1 трлн 700 млрд долларов. Программа предусматривает, что не только престарелые и отдельные группы инвалидов будут получать бесплатное медицинское обслуживание, но гораздо более значительная часть населения. И Верховный Суд большинством голосов принимает эту программу. В связи с этим возникает вопрос о природе власти. Как говорит коллега Исаев, природа власти в том, что она институциональна и естественна. Из-за своей институциональной природы власть воспроизводит саму себя, особенно это очевидно в России, поэтому она часто остается скрытой, закулисной. В Америке это тоже есть — я далек от идеализации. Но там присутствует и другое: реальные принципы и ценности.

И в заключение — о конституционной традиции. Возьмем традицию Америки — неприкосновенность частной собственности. Однако для строительства третьего Диснейленда, во Флориде, Верховный Суд постановил снести 200 домов. Хотя они были построены на законном основании! Но дело в том, что Диснейленд и смежные, скажем так, фирмы и предприятия, которые будут построены, обеспечат работой примерно 70 тыс. молодых людей и дадут толчок для развития этой части Флориды. И Верховный Суд принимает решение о сносе. Мы всегда говорим, что общее право — это мораль. Но какая мораль в решении Верховного Суда? А мораль в том, что эти домики строились в 1950-х годах при Эйзенхауэре. А жителям снесенных домов в качестве компенсации дали другие, вполне пристойные и современные, между Флоридой и Джорджией. Богатое общество способно быть моральным.

Конституционная традиция формируется государственным режимом, а государственный режим — это, прежде всего, принципы и ценности. У США их четыре. Вчера я слушал выступления представителей Конституционного Суда, и мне хотелось включиться в дискуссию по поводу ценностей. Действительно, одна из этих ценностей — конституционное правосудие, понимаемое как интерпретация Конституции, ее увязывание с современными потребностями и ценностями. К сожалению, наш Конституционный Суд часто занимает нейтральную позицию, как это произошло в 2005 году. Основные ценности, которые выше идеологии прав че-

ловека, — разделение властей и федерализм. Спасибо за внимание.

В. Л. МАКАРОВ: — Следующий выступающий — профессор Честнов Илья Львович.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Несколько слов в защиту постклассической теории права, которую сегодня критиковали. Наверное, претензии были справедливые: она не вполне доработана, недостаточно аргументированна. Новая, возникающая на наших глазах концепция еще не завершена. Кстати, обратите внимание, что ни одна из классических концепций не была доведена до логической точки. Например, позитивизм XIX века не был завершен, нормативизм XX века, как оказалось, не может быть обоснован, историческая школа права была поставлена под сомнение из-за проблематичности некоторых оснований, и т. д.

Однако что представляет собой постклассическая теория права? Академик Степин много пишет о постклассической философии, связывая ее с формированием новой картины мира. На мой взгляд, и право, и экономика, и политика не являются самодостаточными явлениями, отгороженными Китайской стеной друг от друга и от общества. Поэтому если сегодня господствует та или иная картина мира, то она не может быть доминирующей и в праве. Но с чем ее можно связать, эту самую постклассику, применительно к праву? Впервые, это человекоцентризм в праве. Орест Владимирович говорит о том, что персоноцентризм приводит к анархии. Возможно, это так — в гипертрофированной версии. Но, наверное, персоноцентризм можно понимать немного по-другому. Например, так, что право, так же как и экономика и политика, не существует вне и без человека. Например, институт права ориентирован на усредненного обезличенного человека, который выступает как правовой статус. А применительно к конкретному человеку, который может выполнять функции этого института, опять-таки, что такое норма права? Это модель поведения. Кто субъект поведения? Конечно, человек. Поэтому норма права ориентирована опять же на обезличенного человека. Человек персоноличный, скажем так, возникает в правоотношениях, норма права, реализуется в правоотношениях и там уже действует. Даже если с юридической точки зрения считается, что в правоотношения вступают коллективные субъекты, все равно они действуют через своего представителя. Поэтому субъект правоотношения в эмпирической реальности — это человек как носитель статуса: физического лица в одних правоотношениях, должностного лица в других, в том числе представителя юридического лица в гражданском праве.

Но человек специализирован в рамках определенной культуры, и из-за этого возникает самый сложный и важный феномен: многообразие культур, влияющих на действие права, которое опять-таки действует через человека, например через его восприятие ценностей, закрепляемых в Конституции, законодательстве, и через индивидуальные потребности, которые есть у каждого. Проблема в том, что в разных культурах системы ценностей разные, и если универсальная культура

сформируется, то это произойдет не в ближайшем будущем, несмотря на глобализацию. К тому же процессы глобализации сопровождаются локализацией. В каких-то вопросах, несомненно, происходит сближение, но в чем-то, в частности в вопросах культуры, религии, наоборот, разобщение. Конкретный пример. Право — это мера свободы, но если в Англии свобода — одна из важнейших ценностей и трактуется как возможность совершения тех или иных действий, ограниченная свободой другого, то в Японии как эгоизм — противопоставление себя другому. Не вполне понятно, как японцы в таком случае обходятся с правами человека. В Японии гражданский процессуальный кодекс составлен по образу и подобию кодексов стран континентальной Европы, по форме это романо-германская правовая система, однако частота обращений в суды по гражданским делам в 10 раз меньше на единицу населения, чем в европейских странах. И не потому, что там рассматривается меньше гражданских дел, а потому, что японцы предпочитают обращаться к нормам гири, к примиренческим процедурам. Кстати, суд в обязательном порядке сам назначает примиренческую процедуру даже тогда, когда японцы туда обращаются, поэтому до судебного решения доходит только треть дел, поступивших на рассмотрение суда. Есть и другие существенные отличия, которые дают основания самому, на мой взгляд, авторитетному криминологу нашей страны профессору Гилюнскому утверждать, что нет универсальных составов преступления. Казалось бы, как это нет — вот, например, убийство. Однако даже убийство может трактоваться принципиально по-разному. На войне чем больше убьешь людей, тем больше медалей получишь. Бывает убийство на дуэли, в случае необходимой обороны и многие другие. Таким образом, с точки зрения Гилюнского, все это можно квалифицировать по ст. 105 УК РФ. А есть ли вообще в праве что-нибудь универсальное? Такое, что позволяет рассматривать те или иные нормы именно как право? На мой взгляд, такой универсальный критерий есть, и поэтому постклассика — это не постмодернизм, который отрицает все, что можно отрицать, деконструируя до полной анархии и расчленения. Таким универсальным свойством, на мой взгляд, является функциональная значимость права. Право — это такие нормы, которые обеспечивают выживаемость соответствующего общества. Спасибо за внимание.

В. Л. МАКАРОВ: — А есть ли универсальные ценности и обсуждаются ли они в постнеклассической философии?

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Академик Степин в своих трудах пишет о том, что ценность развития — это универсальная, всеобщая, вечная ценность. Другое дело, что эта ценность в разных культурах (а он различает патриархальную, техногенную, посттехногенную культуры) реализуется по-разному. На мой взгляд, такой ценностью является выживаемость, но она обеспечивается по-разному. Опять-таки есть сложная проблема соотношения выживаемости и самореализации. Рональд Инглхарт, американский культуролог, пишет о том, что в традиционном обществе главное — выжи-

ваемость, а в постиндустриальном — самореализация. Согласен, но самореализация возможна только тогда, когда есть минимум выживаемости. С моей точки зрения, это и есть универсальная ценность.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Илья Леонидович, среди американских ученых существует мнение, что эпоха моральных ценностей закончилась. Мы все умеем объяснять, но задача науки не в этом, а в том, чтобы подняться на новую ступень. Поэтому должны быть вечные ценности, правда, постулируется это иначе, как классические и политические принципы и классическая мораль. Как Вы к этому относитесь?

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Позиция Рональда Дворкина, на мой взгляд, несколько противоречива, поскольку у него верхний уровень «империи права» (это его термин) составляют именно моральные принципы. Однако он уходит от ответа на вопрос, что это такое, кстати, приводя аргументацию неоинституциональной экономической теории или теории рационального выбора: это то, что выберут граждане, члены данного общества. И, кстати, именно так трактуют американскую Конституцию, поскольку сегодня такие верхние принципы морали.

Есть знаменитая формула Радбруха: «Законы надо оценивать с точки зрения морали в том случае, когда они вопиюще несправедливы». То есть оценивать как негативные, и, следовательно, в таком случае у народа появляется право на восстание. Такие законы были, например, в фашистской Германии.

Однако в чем еще проблема диалога культур? 11 сентября 2001 года выходцы из стран Ближнего Востока, живущие на пособие в лагере для переселенцев в Нидерландах, ликовали. Живут на территории западноевропейской страны, которая объявила день траура, и радуются. Где общие, универсальные ценности?

В. Л. МАКАРОВ: — Следующий выступающий — Скоробогатов Андрей Владимирович.

А. В. СКОРОБОГАТОВ: — Уважаемые коллеги, мы много говорим о цивилизационном подходе, и мне тоже хотелось бы в рамках цивилизационного подхода, связанного с правовой культурой, с теми ее особенностями, которые сформировались в России и во многом определяют поведение российских граждан, коснуться вопроса правового поведения. Я не могу сказать «правомерное поведение», поскольку в той теории государства и права, которая господствует у нас, «правомерное» понимается как поведение в соответствии с законом. Говорить же о том, что наши граждане поступают на основе закона, будет не совсем справедливо; скорее они поступают в соответствии с тем, что считается правильным в обществе. В связи с этим несколько тезисов. Первый: российская правовая культура, как и российская культура в целом, носит пограничный характер — с точки зрения не территориальности, а культуры, западной и восточной. Если посмотреть на формирование российской правовой культуры, то можно говорить о рецепции и западных, и восточных ценностей. С одной стороны, традиционно, начиная с Владимира

Святославича, мы говорим о проникновении восточных ценностей — сначала византийских, затем «золотоордынских», в том числе и китайских. Благодаря восточному влиянию сформировался определенный приоритет не индивидуальных, а коллективных интересов и вне правовых регуляторов, то есть в случае противоречия между законом и справедливостью приоритет будет отдаваться справедливости. Соответственно если перед российским гражданином стоит выбор: как поступить — по закону или по справедливости, то он поступит по справедливости. Но при этом справедливость для многих трактуется не так некий абстрактный идеал, а означает поступать «правильно», «как все». Если *все* переходят дорогу на красный свет, значит, это правильно, а «правильно», значит, «можно», даже если это противоречит закону. С другой стороны, мы можем говорить и о рецепции западного права, начиная с Петра I, может быть, даже чуть раньше, с Алексея Михайловича. Однако это не затрагивает глубинных основ общества, и скорее можно говорить о том, что в России формируется своеобразная правовая культура, которая носит в целом этический характер, но при этом имеет нормативное выражение. Особенно это характерно для последних двух десятилетий, когда очевидно влияние американской культуры, американских ценностей без учета того, насколько это соответствует российским традициям. Хорошие они или плохие, но реформы должны проводиться с учетом традиций.

Кроме того, применительно к современной правовой культуре можно говорить о еще двух путях. Сейчас идет активное обращение к дореволюционной правовой доктрине, которая, как совершенно справедливо сказал Олег Владимирович, представляется идеалом. При этом мы упускаем из виду, что в царской России законность воспринималась с точки зрения установления ее сакральной власти: та справедливость, которая есть в народе, и та, что идет от власти, — обе носят сакральный, божественный характер, а значит, не противостоят друг другу. Сейчас этого нет, хотя определенная сакрализация власти у нас присутствует. И, безусловно, сохраняются традиции советской правовой культуры, прежде всего надправовых регуляторов, таких как моральный кодекс строителя коммунизма, который в значительной степени исполнял роль права.

И второй тезис, на котором мне хотелось бы остановиться, — тот кризис правопонимания и правовой культуры, который породила Конституция. В тот момент, когда создавалась Конституция, отказ от официальной идеологии был необходим, но это привело к тому, что теперь нет единого стержня, который определял бы направление развития правовой системы. Получается, что граждане предполагают одно, государство устанавливает другое. Следствие — правовой инфантилизм, когда нет интереса к праву и человек пытается поступать в соответствии с какими-то иными регуляторами. К тому же в определенной степени подталкивают к этому и СМИ. Посмотрите на засилье фильмов на криминальные темы, различных судебных шоу — в них постоянно подчеркивается противоречие между законом и справедливостью. Даже положительные герои постоянно подчеркивают, что не могут по-

ступать по закону, поскольку это будет несправедливо. Естественно, что и у граждан формируется та же убежденность: так как СМИ подчеркивают, что поступать по закону несправедливо, то закон несправедливый (то есть неправовой) и, значит, соблюдать его не нужно. Это связано с тем, что нет четкой правовой идеологии, правовой доктрины, которая бы определяла единое направление развития права. Поэтому наше право развивается хаотично, во многом это латание дыр.

Повторяю, нет единого стержня и соответственно правовой доктрины, которая помогла бы устранить эту проблему. Еще в 2011 году были приняты Основы государственной политики по развитию правовой культуры и правосознания граждан, в которых предполагается как раз формирование российской гражданской идентичности. А российская гражданская идентичность в свою очередь предполагает достаточно высокий уровень правовой культуры и безусловное доверие к тем органам, которые это создают. Однако, как показывают последние социологические опросы, степень доверия к законодательству в лице Государственной Думы и в целом Федерального собрания и степень доверия к президенту различаются в несколько раз. Доверие к президенту существенно выше, что вполне соответствует российским традициям, когда глава государства воспринимается как хороший царь при плохих боярах. Сакрализация главы государства по-прежнему сохраняется. Еще в одном социологическом исследовании предлагалось ответить на вопрос: «Кто больше борется с коррупцией: местные органы власти, правительство, Федеральное собрание или президент?» Разница в оценках местных органов и президента почти десятикратная, то есть президент лично борется с коррупцией. На этой оптимистичной ноте я бы хотел закончить. Спасибо.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляет профессору Ефремовой Надежде Николаевне.

Н. Н. ЕФРЕМОВА: — В теории и истории государства и права проблеме взаимосвязи и взаимодействия политики, права и экономики традиционно уделялось и уделяется достаточно много внимания. В теории государства и права ее традиционно относят к методологической. И это верно как для экономикоматериалистической, марксистской, так и для немарксистской концепций, в рамках которых определяется сущность и типология обществ, государства и права в связи с их экономическими основаниями.

Марксистская теория обосновала формационный подход к типологии общества, государства и права, в связи с которым эти социальные феномены определялись как одноименные сменяющим друг друга в мировой истории формациям. Иные типологии, основанные на разнообразных социальных критериях, демонстрируют типы общества, государства и права, соответствующие и поименованные в зависимости от удовлетворяемых интересов доминирующих социальных групп: этнических, конфессиональных, сословных и т. д. Известен и цивилизационный подход, основанный на учете комплекса цивилизационных, культурологических критериев. Однако, в отличие

от экономико-материалистического подхода, другие не рассматривают экономический критерий в качестве единственного и базисного. Тем не менее во всех случаях экономика выступает определяющим фактором для общества, государства и права, поскольку создает материальную основу для развития названных социальных институтов, а также иных, в том числе и духовных.

Известный критик марксизма, профессор И. В. Михайловский также отмечал «огромную важность экономической обстановки в жизни человечества». Однако роль экономики в социальном развитии нельзя абсолютизировать. Поскольку на этот процесс влияют также политические, идеологические, духовные (и религиозные), национальные, этнические и другие факторы.

Чаще из этой триады: экономика, государство и право, — в юридической доктрине рассматривают взаимосвязи и взаимодействие экономики и государства. Причем в одних случаях признается первенство экономики, в других — приоритет государства, в третьих — паритет экономики и государства. В зависимости от их соотношения выделяют модели государства: либеральное, тоталитарное и др.

В качестве одного из объектов исследования я выбрала не экономику в целом, а категорию собственности, потому что собственность является, по крайней мере двойственной: имеет и юридическую, и экономическую природу. Собственность в праве — одна из важнейших категорий, она важна для права национального и международного, частного и публичного, для юридических доктрин, законодательства и юридической практики. Два социальных явления — право и экономика — сосуществуют в истории, меняя свое взаимодействие.

До XVIII века в российском законодательстве термины «собственность» и «право собственности» отсутствовали, что породило заблуждения отдельных исследователей об отсутствии такового явления в средневековой истории русского общества и государства.

Однако это неверно: само явление существовало, и как объект, по-разному словесно обозначаемый, регулировалось и охранялось правом: первоначально обычным, а позднее законодательством (хотя отдельные отношения собственности продолжали регулироваться правовыми обычаями до начала XX в.). Тенденции, наметившиеся в XVIII веке в отношении регулирования права собственности, продолжились в XIX — начале XX века. В Своде законов Российской империи была установлена дефиниция права собственности: это «власть в порядке, гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом вечно и потомственно». Уголовным законодательством устанавливалась ответственность за преступления против собственности. Соответствующее гражданское и уголовное законодательство действовало до конца монархического периода.

Однако того понимания собственности, которое пропагандировали западноевропейские просветители, ни российское законодательство, ни практика рассма-

триваемого периода не восприняли, хотя в русской философской и юридической доктрине соответствующие взгляды высказывались и приходило понимание того, что свобода — истинный дух собственности, а суд не только карательный орган, но и орган, обеспечивающий права и свободы личности, в том числе право собственности. Без собственности свобода личности — иллюзия, так же как и свобода и собственность без правовой защиты.

Собственность во многом определяет тип права, уровень его развития по форме и содержанию, в том числе в гуманитарном измерении; право же легализует тип, виды и формы собственности, обеспечивает их регулирование и охрану, одной из цивилизованных форм которой является судебная, ограничивающая произвол. И следовательно: собственность, право, свобода, правосудие — это вечные человеческие ценности, уровень развития и фактическое проявление которых исторически конкретны и обусловлены как материальными, так и духовными факторами, соответствующими времени и культуре.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Наши Чтения подходят к завершению. В свое время Марк Твен, приняв участие в каком-то совещании, вынес резюме: «Самый главный результат заключается в том, что мы не сделали ничего плохого». Мы, действительно, сегодня никому и ничему не навредили, в том числе и юриспруденции. Обсудили довольно широкий круг интересных вопросов, высказали свои соображения, многие из которых, несомненно, заслуживают внимания. Мы рассмотрели актуальные вопросы развития права и экономики с точки зрения взаимосвязи с духовными ценностями, каковой является прежде всего культура, и в этом контексте я абсолютно согласен с теми соображениями и предложениями, которые здесь были высказаны. Думаю, надо и дальше работать над этими предложениями; очевидно, что это — задача будущего.

Я также хочу отметить, что состоявшаяся дискуссия о взаимоотношении права и морали, права и культуры, трактовке самого понятия права оказалась очень содержательной и интересной. Юристы знают, что споры на эти темы ведутся уже давно, и до сих пор выдвигается немало новых идей, но как эти идеи сочетаются с понятием права в классическом понимании? На эту тему я услышал немало интересных мыслей. На мой взгляд, желательно, чтобы сфера регулирования норм морали расширялась, потому что законы далеко не всегда могут решить ту или иную проблему, в то время как превеликая роль денег, наблюдаемая в настоящее время, сказывается на моральных устоях общества. В этом контексте, безусловно, нужна дополнительная большая работа, исследования, выработка рекомендаций и т. д. Надеюсь, что сегодняшняя дискуссия окажется полезной в этом отношении.

Мне очень приятно, что в работе нашей секции участвовали студенты и аспиранты. Они действительно приняли непосредственное, живое участие, и я думаю, что за ними будущее науки и решение тех проблем, которые здесь были затронуты. Желаю всем новых творческих успехов и всего доброго!